

Страницки изъ исторіи и географіи.

Какъ встрѣчали Рождество Христово русскіе цари.

Празднованіе Рождества Христова въ царскихъ палатахъ XVI—XVII вѣка начиналось еще наканунѣ рано утромъ. Царь «дѣлалъ тайный выходъ». Благочестивые государи московскіе и «всѣа Руссїи» любили начинать всѣ великіе праздники дѣлами благотворенія. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Въ сочельникъ, когда вся Москва — и первый богачъ, и послѣдній бѣднякъ — готовилась, каждый по своему достатку, къ празднику, — голь-нищета московская переполняла, еще до утренняго свѣта, всѣ площади, въ надеждѣ, что царь не захочетъ, чтобы кто-нибудь изъ его людей и «людишекъ» оставался голоднымъ въ предстоящіе великіе дни. О «тайномъ» выходѣ знали всѣ, кому о томъ знать надлежало.

Раннимъ утромъ, сопровождаемый малымъ отрядомъ стрѣльцовъ и нѣсколькими подьячими, такъ называемого Тайнаго приказа, вѣнценосный богомолецъ выходилъ изъ палатъ. Онъ былъ облаченъ въ «смирныя» одежды простого боярина и въ то же время былъ «смирень духомъ». Шествіе направлялось къ тюрьмамъ и богадѣльнямъ. Въ первыхъ растворялись къ царскому посѣщенію казематы «спидельцевъ за малыя вины» и полоня-

никовъ; во вторыхъ ждали «свѣтлаго лицезрѣнія государева» увѣчные, разслабленные, убогіе. По улицамъ и площадямъ, облежавшимъ путь, по которому надлежало шествовать участникамъ «тайнаго выхода», тѣснился бѣдный людъ, жаждавшій получить милостыню изъ рукъ государевыхъ. Одновременно съ этимъ, по всѣмъ стогнамъ Бѣлокаменной, стрѣлецкіе полковники и пользующіеся довѣріемъ царевымъ подьячіе раздавали «отъ щедротъ государевыхъ» нищимъ, калѣкамъ и сирымъ праздничное подаеніе. Земскій дворъ, Лобное мѣсто и Красная площадь собирали вокругъ себя особенно много бѣдности, памятовавшей слова указа государева о томъ, чтобы «ни одинъ бѣдный челоувѣкъ на Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милостыни».

За четыре часа до разсвѣта самодержецъ выходилъ на благочестивый подвигъ. Темень зимней ночи лежала надъ всею Москвою. Впереді государи несли фонарь, о-богъ сѣдовали подьячіе Тайнаго приказа, поодаль — стрѣльцы. Встрѣчные на пути одѣлялись деньгами. Прежде всѣхъ «узилицъ» обыкновенно посѣщался Большой тюремный дворъ. Богомольтный гость

заключенныхъ обходилъ каждую избу, выслушивая жалобы колодниковъ,— однихъ освобождая по своему царскому милостивому изволенію и скорому суду, другимъ облегчая узы, третьимъ выдавая по рублю и по полтинѣ на праздникъ. Всѣмъ «сидѣльцамъ тюремнымъ», по приказанію государя, назначался на великіе дни праздничный харчъ. Съ Большого тюремнаго двора государь шествовалъ на «Аглинской». На этомъ дворѣ милость царева изливалась на полоняниковъ. Шествуя отсюда, въ Бѣломъ и Китай-городѣ, государь одѣлялъ изъ своихъ рукъ всякаго встрѣчнаго бѣдняка.

Возвратившись съ описаннаго выхода въ палаты, царь шель въ покои на отдыхъ. Отдохнувъ и передѣвшись, онъ выходилъ въ Столовую избу или Золотую палату, или же въ какую-либо изъ дворцовыхъ («комнатныхъ») церквей. «Царскіе часы» вѣнценосный богомолецъ слушалъ, окруженный синклитомъ бояръ, думныхъ дьяковъ и ближнихъ чиновъ.

Въ навечеріе великаго праздника царь въ бѣлой, шелкомъ крытой, шубѣ, отороченной кованымъ золоченымъ кружевомъ и золотою нашивкою, шель въ Успенскій соборъ, гдѣ стоялъ за вечернею и слушалъ «дѣйство» многолѣтія, «кликанное» архидиакономъ.

Послѣ этого государь обмѣнивался поздравленіями съ патриархомъ и всѣми предстоявшими властями и народомъ; затѣмъ, принявъ патриаршее благословеніе, шествовалъ въ палаты.

Въ сумерки, при трепетномъ мерцаніи первой вечерней звѣзды, являлось во дворецъ «славить Христа» соборное духовенство съ хорами государевыхъ пѣвчихъ; къ послѣднимъ иногда присоединялись «станицы» патриаршихъ, митрополичьихъ и другихъ пѣвческихъ хоровъ. Славельщики входили въ столовую избу, или въ

переднюю палату. Государь принималъ гостей по уставу—по обычаю, жалую ихъ бѣлымъ и краснымъ медомъ, который обносили золотыми и серебряными ковшами, особые подноскини. Кромѣ царскаго угощенія, христородавы получали и «славленое» (отъ 8 алтынъ съ 2-мя деньгами до 12 рублей, смотря по положенію того, отъ кого быть хоръ). Русскіе цари очень любили церковное пѣніе, а потому жаловали «воспѣвать», обладавшихъ особеннымъ искусствомъ въ немъ, и «на особицу».

Наставалъ самый праздникъ Рождества Христова. Царь шель къ заутренѣ, пѣтой въ Золотой палатѣ. Въ 10-мъ часу утра расплывался надъ Москвою первый гулкій ударъ «краснаго» благовѣста къ обѣднѣ, подхватываемый колокольнями сорока-сороковъ церквей московскихъ. Въ это время государь былъ уже въ Столовой палатѣ, убранной «большимъ нарядомъ». Онъ сидѣлъ на своемъ «царскомъ мѣстѣ», рядомъ съ которымъ стояло патриаршее кресло. Бояре и думные дьяки сидѣли по лавкамъ, застланнымъ «бархатами»; другіе ближніе люди, младшихъ разрядовъ, стояли поодаль. По прошествіи нѣкотораго времени, въ палату вступалъ патриархъ, предшествуемый соборными ключарями съ крестомъ и со святою водою. Святителя сопровождалъ сонмъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ. Государь вставалъ навстрѣчу архипастырю, шедшему славить Христа. Послѣ пѣнія положенныхъ по уставу церковному молитвъ, «стихеръ» и многолѣтія, патриархъ поздравлялъ царственного хозяина земли русской и, по приглашенію его, садился рядомъ съ нимъ. Затѣмъ, немного спустя, благословивъ государя, іерархъ Церкви православной, со всѣми духовными властями, шель въ царицыны покои, въ государынину Золотую палату. По-

слѣ царицы, патриархъ посѣщаль всѣхъ членовъ царскаго семейства.

Государь, между тѣмъ, собирался къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ. Выходъ въ соборъ совершался по Красному крыльцу, въ предшествіи и сопровожденіи бояръ. Государь былъ облаченъ въ «царское платно» (порфиру), становой кафтанъ и корону; на груди его были возложены царскія бармы; въ рукѣ онъ держалъ царскій жезлъ. Подъ руки держали царственного богомольца два столника въ золотыхъ праздничныхъ ферязяхъ. Люди меньшаго чина начинали шествіе, большаго чина вельможи слѣдовали за царемъ.

Отслушавъ литургію, государь въ одномъ изъ придѣловъ собора перемѣнялъ царское платно на «походное» и возвращался во дворецъ. Тамъ въ это время пригофовались уже праздничный столъ «на патриарха, властей и бояръ». Но, вѣрный своему благочестивому обычаю, самодержецъ московскій не садился за столъ, не узнавъ, что все исполнено по его изволенію.

А «изволилъ» государь приказывать еще съ утра: «строить столы» для бѣдныхъ и сирыхъ. Въ передней палатѣ или въ однихъ изъ теплыхъ сѣней государевыхъ къ этому времени были уже другіе гости: собралось-скликалось по Москвѣ до ста и болѣе нищихъ и убогихъ. Столы уставлялись пирогами и «перепечами», ставились жбаны квасу и меда сычечнаго. По данному ближнимъ бояриномъ знаку, присѣнники впускали «царскихъ гостей», занимавшихъ мѣста за столами. Входили подношники и одѣляли всѣхъ обѣдавшихъ — отъ имени царскаго — калачами и деньгами (по подтигѣ). Слѣдомъ за ними, палатую проходилъ ближній бояринъ, изображавшій собою замѣстителя государева, и всѣхъ «опрашивалъ о довольствѣ». И только послѣ того, какъ этотъ бояринъ приносилъ царю вѣсть, что его

убогіе гости сыты, пожалованы «жалованьемъ» и отпущены со словомъ милостивымъ, — садился государь въ Столовую палатъ за столы, «бранные на патриарха и властей».

Иногда, въ то же самое время, столы для убогихъ и сирыхъ «строились» и въ царицыныхъ покояхъ, въ ея Золотой палатѣ, гдѣ также раздавалось бѣднякамъ щедрою рукою царское жалованье. Утромъ, предъ обѣденою, къ царицѣ съѣзжались старшія боярыни, вмѣстѣ съ которыми она и слушала славленіе патриарха.

Встрѣтивъ праздникъ дѣлами благотворенія обоиденнымъ судьбою несчастнымъ и принявъ «здравствованіе» духовныхъ и свѣтскихъ властей и ближнихъ людей своихъ, государь отдавалъ себя семьѣ. На другой день онъ слушалъ утреню и обѣдню въ одной изъ своихъ «комнатныхъ» церквей, послѣ чего принималъ прѣзжихъ изъ другихъ городовъ христородавѣ «духовнаго и свѣтскаго чина». Къ царицѣ въ это же время собирались, по «нарочитому зву», прѣзжія боярыни. Родственницы государя и государыни оставались въ царицыныхъ палатахъ — къ «столу»; всѣ же другія гости уѣзжали, такъ какъ имъ, по уставу, не предоставлялось права обѣдать за царскими столами.

На третій день великаго праздника государь «шелъ санями» на богомолье въ одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ, прославленныхъ своими святынями московскихъ монастырей. На раззолоченныхъ, испещренныхъ «хитрымъ узорочьемъ» саняхъ, по сторонамъ царскаго мѣста, крытаго персидскими коврами, стояли два ближнихъ боярина и два столника. За государевыми санями ѣхала царская свита: бояре, окольничіе, дѣти боярскія. Поѣздъ оберегался отъ всякаго лиха отрядомъ стрѣльцовъ во сто человекъ. Несмѣтныя толпы народа окружали царскій путь, бѣжали и скакали на коняхъ за поѣзжанами,

привѣтствуя «батюшку-царя» радостными кликами. Посѣтивъ московскія святыни, на обратномъ пути съ богомолья, государь заѣзжалъ поклониться праху родителей и возвращался

въ свои палаты, гдѣ вечеромъ увеселяли царскую семью скѣморехи, карлы и карлицы, а иногда и «заморскіе искусники комедійнаго дѣла».

